

КРЕДИТНАЯ ИСТОРИЯ

Алексей Андреев

16+

Алексей Андреев

Кредитная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54081483

SelfPub; 2020

Аннотация

Безгрешных людей нет. Но часто раскаяние наступает слишком поздно, когда уже ничего не исправишь... Печальный рассказ о позднем раскаянии, написанный не без сарказма, но только не по отношению к главному герою, а по отношению к нашей жизни вообще.

Весной из просевшего сугроба за оградой банка вдруг появились три руки. Каждая в отдельном прозрачном пакете. Ограда отделяла ухоженную банковскую территорию от заброшенной промзоны, которую использовали лишь окрестные собачники, так что первым на них наткнулся дог Митридат. Утробным лаем он подозвал остальных собак, те его истерически на разные лады поддерживали, подтянулись хозяйева – в общем, случился большой шум. Когда вызванный наряд подъехал и двое полицейских нехотя вылезли из машины, предчувствуя очередной висяк, фотографии находки уже всю гуляли по интернету.

При ближайшем рассмотрении две руки оказались женскими, одна – мужской. Отрезанными аккуратно, без садизма. Можно сказать – бережно. Женские опознать в итоге так и не удалось, хотя сохранились они неплохо – даже бродячие животные не успели объесть. А вот мужскую по большому родимому пятну на предплечье в конце концов идентифицировали, благодаря этому стало понятно – откуда взялись остальные, и дело было закрыто. За отсутствием состава преступления.

Одалживаться и одалживать Петр Фомин никогда не любил. Как-то это состояние – когда ты кому-то должен или тебе должны – его тяготило. Не нравилось тем, что привычные отношения с людьми менялись. Причем, всегда в худшую сторону. И сам попросишь – долго не сможешь этого за-

быть и всякий раз при виде того, у кого просил, непременно вспомнишь. И он при виде тебя вспомнит. Хоть ты и отдал давно. А если и не вспомнит – ты все равно будешь думать, что он не забыл. И у тебя попросят – все будет точно так же.

Некоторые по этому поводу совершенно не переживают – часто берут, не всегда отдают, а стоит напомнить – оскорбляются: не, ну сколько можно приставать-то, а? Я же сказал: отдам – значит, отдам. Ты чего – мне не веришь?

А потом могут и вовсе перестать здороваться – от обиды. И чувствуют себя при этом в своем праве. Их же в нехорошем заподозрили без всяких на то оснований!

Петр Афанасьевич к числу таких счастливичков, находящихся с собой в полной гармонии, не принадлежал. И когда в первый раз шел в банк за кредитом, еле переступал ногами. Испытывая огромное желание повернуть обратно. Если бы не жена – никогда бы не дошел. Но Вера, изучив за долгие годы совместной жизни мужнин характер, взялась его сопровождать. По пути приговаривая, что другого выхода нет, что все сейчас кредиты берут и никто пока не жаловался, а Америка вон, пишут, вообще вся займы живет и не в пример нам процветает.

Выхода действительно не было – квартире их требовался срочный ремонт. Без него жить там было невозможно: дочь задыхалась, из самих тоже болячки одна за другой полезли.

Это все после пожара. Не у них – упаси Бог – на четвертом, у долговязого Борьки.

Борька спился в самый застой советской власти и при всех последующих государственных метаморфозах своему жизненному кредо не изменял. Может, и не замечал их толком. Удивляясь лишь растущим ценам на главный продукт своего питания и при этом радуясь его повсеместной доступности. А не только в отдельных избранных магазинах и с одиннадцати, а то и с горбачевских двух – как было раньше.

Жил Борька с престарелой матерью и за ее счет, сам, если пенсию и получал, то непонятно за что, потому как еще при той же советской власти с работой принципиально завязал, чтобы по пустякам от главного не отвлекаться. Но таких в доме и в районе хватало. Хуже было то, что Борька при этом курил. И чем больше выпивал, тем гуще принимался дымить. Отбрасывая одну сигарету, тут же принимаясь за другую и с какой-нибудь очередной засыпая.

Пока мать его была в состоянии – следила, чтобы не сжег жилище, приползала из своей комнаты тлеющее тушить, а как слегла окончательно – тут-то он все и подпалил. Надо отдать ему должное – не сразу, месяца через полтора.

Вызвали пожарных соседи, те прибыли быстро и поработали основательно – залили подъезд с пятого, где линолеум уже пузырился, по подвал. Борьку спасли, мать его тоже вытащили, но не спасли – и дыма наглоталась, и сердце не выдержало.

Фомины проживали ровно под ними – на третьем. И могли только беспомощно наблюдать, как черные вонючие по-

токи льются с потолка и по стенам, заполняют шкафы, пропитывают одежду, плещутся на полу. Сколько этой воды через них протекло, подсчитать было невозможно. Квартира потом сохла почти месяц. И когда высохла – легче не стало. Стало только яснее, что без полного и скорейшего ремонта не обойтись.

Тогда-то они и пошли в коммерческий банк за кредитом. А куда деваться? Накоплений никаких не было, что имелось – давно подъели, а с Борьки чего возьмешь, кроме пустой посуды? Всем пострадавшим соседям еще пришлось и на похороны матери его скидываться, а то бы он ее так в морге и оставил. Или напротив подъезда на лужайке закопал – с него станется.

Кстати, хоронил он ее уже раз в третий. Во всяком случае, раза два он точно на это деньги с жалостливой миной по квартирам собирал. Радостно разводя потом руками: ну надо, а, выздоровела, а ведь совсем уж при смерти была, почти не дышала. И как-то язык ни у кого не поворачивался за это ему выговаривать – осуждать за то, получается, что мать не умерла.

Поэтому теперь местные подружки его матери – такие же божьи одуванчики, как и она, – всех обошли, деньги собрали, кто сколько дал, вместе с Борькой сходили в собес за похоронными, чтобы не пропил, и все сами устроили. А он на кладбище поехал и в поминках горячо участвовал – ел, пил и слезливо христорадничал. А в конце еще скандал закатил

– обвинил старух, что они не все деньги потратили, часть себе оставили.

Ну да речь не о нем.

В банке кредит тогда дали охотно, Фомины ремонт сделали, за несколько лет с грехом пополам расплатились – оба в то время еще работали и пусть небольшую зарплату, пусть с перебоями, но имели.

В следующий раз кредит им понадобился для дочери. Как-то не складывалось у нее с женихами, а девке уж за четвертак перевалило. Местные, кто еще остался, не отбыл поближе к столицам и серьезным деньгам, в семейное ярмо лезть не торопились – им и так было хорошо, при таком-то выборе, у заезжих же она если и вызывала интерес, то лишь как довесок к жилплощади – и это было видно всем, кроме нее. Несколько таких в разное время у них поселялись, однако, оглядевшись в городе и пообтеревшись, быстро находили себе другой вариант – поинтереснее – и по-английски исчезали, прихватив себе на память что-нибудь полезное – не с пустыми же руками в новую жизнь уходить? Дочь это сильно нервировало – все подружки и знакомые давно худо-бедно пристроились, некоторые вон уже и с колясками по второму разу во дворе торчат, одна она в вековухах застряла. Несправедливо!

И нельзя сказать, чтобы собой как-то особо не удалась – обычную внешность имела для здешних мест, среднестати-

стическую. Взгляд мужской не застрянет, но и прочь с отращением не поспешит. Характер, конечно, был так себе, – любила над судьбой своей незавидной всплакнуть не без истерики и считала отчего-то, что все вокруг ей должны, – а у кого он золотой?

Виноваты больше всего у нее были, конечно, родители: что бедные, что родили не красоткой с обложки, за которой все хвостом увиваются, а такой, какая есть, что не дали уехать в пятнадцать лет в Москву учиться на артистку, вместо этого определив в бухгалтерский техникум, где парней раз-два и обчелся, даже преподаватели – одни тетки; что вообще глаза каждый день мозолят и никуда не деваются, отпугивая заезжих женихов... ну и во всяком другом. Вслух это она пока редко произносила – и одной лишь матери – чаще кипела внутри. Зато так кипела, что порой была готова на стенку лезть!

И вдруг склеилось у нее с одним иностранцем через интернет. Живущим не абы где, а почти в Париже – в одном из предместий. Да так склеилось, что в самом первом своем сообщении он уже стал ее пусть и косноязычно – оба пользовались автоматическим переводчиком, – но настойчиво зазывать, обещая счастливую семейную жизнь. И продолжал это делать каждый день, пока она, для приличия чуть выждав, не согласилась...

Отправка дочери влетела в копеечку. Кредит взяли в том же банке, заложив квартиру – иначе не получалось: без пя-

ти минут француженка уже уволилась и корпела над разговорником, Веру, как новоявленную пенсионерку, незадолго до этого подвели под сокращение, а Фомин сидел на таком окладе, что курам на смех.

Отгуляли отвальную – дочь затребовала, чтобы посмотреть напоследок на зависть сослуживиц и подруг, – собрали, усадили на поезд до Москвы. Через двенадцать дней наскоро позвонила из Шереметьева – сказала, что все о'кей, визу получила, бумажку с адресом и как добираться не потеряла, остатки денег при ней, скоро объявят посадку. Голос был испуганно-радостный и одновременно какой-то такой, словно она уже презрительно соскребла с себя всю предыдущую жизнь, как ненужную, грязную шелуху, и теперь недовольна, что пришлось звонить и вновь о ней вспоминать.

После этого никаких вестей от нее долго не было.

Фомины стали с особым тщанием смотреть новости, дожидаясь какого-нибудь репортажа из Парижа – вдруг где с краю дочь мелькнет. Подолгу разглядывали мутновато-зернистую фотографию жениха, которую она успела распечатать на рабочем принтере. Гадали, какие у них могут получиться внуки – жених, в противоположность белесой и рыхлой дочери, был черняв, смугл, поджар, как-то совсем не порусски смазлив и больше походил не на француза, а на актера индийского кино. Впрочем, и о французах они судили исключительно по кинематографу: Габен, Делон, Бельмондо, Депардьё и смешной блондин в разных ботинках.

Оба тревожились ее молчанием, однако друг перед другом старались вида не подавать. Через несколько месяцев все же попросили соседского мальчишку послать ей по интернету письмо – дома осталось много распечаток с цветистыми уговорами, где оказался и обратный адрес. Потом еще пару раз просили – ответа все равно не было. Лишь через полгода дочь позвонила и, не давая ничего им сказать или спросить, быстро произнесла, что у нее все отлично, домой не вернется, искать не надо, звонить-писать не будет – некогда и дорого, и тут же дала отбой. Фоном шла какая-то заунывная музыка.

Больше они про дочь ничего не слышали.

В третий раз заемные деньги понадобились, когда слегла Вера. Что-то вдруг разладилось у нее в организме после отъезда дочери – то одно стало отказывать, то другое. Сначала по женской части все пришлось вычищать – обнаружилась опухоль, потом забарахлило сердце, ноги начали опухать, руки тоже болели – никакие мази не помогали, почти ослеп правый глаз. На правое ухо еще и оглохла. Вроде все и не смертельно, однако сил на хождения по врачам, на очереди, поездки в область, обследования уходило много. Да и денег на лекарства – тоже. Но кое-как справлялись, даже кредит продолжали выплачивать. Хоть порой и сами себе изумлялись – с чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.